

М. М. Гудков

**«Машенька» vs. «Профескор»:
судьба единственной пьесы А. Н. Афиногенова на Бродвее**

В годы Второй мировой войны одной из немногих советских пьес, поставленных на Бродвее, была лирическая комедия А. Н. Афиногенова (1904–1941) «Машенька». Увидевшая здесь свет рампы под названием «Профескор, послушайте!», она стала первой и последней постановкой драматургии Афиногенова в коммерческом театре США. Изменение в названии показательно: вместо истории взросления и формирования личности юной Машеньки в центре бродвейской постановки оказался ее дедушка – профессор Окайемов. В статье анализируется влияние на постановку советской пьесы специфики американского коммерческого театра, а также политической конъюнктуры.

Ключевые слова: А. Н. Афиногенов, С. Майнер, американский театр, театры США, Бродвей, пьеса Машенька

Maksim M. Gudkov

**«Mashenka» vs. «Professor»:
fate of only play by Alexander Afinogenov on Broadway**

During World War II, one of a few Soviet plays, staged on Broadway, was a lyrical comedy by Alexander Afinogenov (1904–1941) «Mashenka». It obtained limelight under the title «Listen, Professor!», and it was the first and last production of Afinogenov in US commercial theatre. The change in the title is significant: instead of the story about young Mashenka growing-up and developing a personality, her grandfather professor Okayemov became the center of the Broadway's production. The article analyses the specifics of American commercial theatre and political conjuncture on the production of a Soviet play.

Keywords: Alexander Afinogenov, Sanford Meisner, American theater, theatres of USA, Broadway, play Mashenka

В годы Второй мировой войны для поддержания боевого и патриотического духа армии, воюющей за океаном, а также гражданского населения театр США стал обращаться к «военной» драматургии страны-союзницы по антигитлеровской коалиции – СССР: «Русские люди» К. М. Симонова («The Russian People», 1942/43)¹, «Контратака» И. Вершинина и М. Рудермана («Counterattack», 1943), «Нашествие» Л. М. Леонова («Invasion», 1944). Свет американской рампы в это время увидели и пьесы А. Н. Афиногенова – «признанного лидера <советской> драмы 30-х гг.»². Известно, что в США шли три его произведения – «Далекое», «Накануне» и «Машенька»³, причем последнее из них сначала поставили «как лирическую новеллу о русской душе <...> драматические труппы Гарвардского и Рэтклифского университетов»⁴, а потом уже премьера состоялась на Бродвее.

Творческий путь советского драматурга Александра Николаевича Афиногенова (1904–1941) был непрост. Один из руководителей РАПП, секретарь театральной секции, влиятельный редактор журнала «Театр и драматургия», член президиума правления Союза писателей, он в 1936 г. по ложному доносу был исключен из партии и подвергнут ostrакизму. Началась его травля, и в это же самое время, в 1937 г., были

расстреляны такие талантливые советские драматурги, как В. Киршон и С. Третьяков. Однако Афиногенов чудом («по неизвестным до сих пор причинам»⁵) избежал репрессий и уцелел: через несколько месяцев, в феврале 1938 г., его реабилитировали, и он смог вернуться к творческой деятельности.

«Машенька» (1939/40) – предпоследняя пьеса Афиногенова, по мнению большинства отечественных исследователей⁶, является лучшей в литературном наследии драматурга. В Нью-Йорке она увидела свет рампы под названием «Профескор, послушайте!» («Listen, Professor»; премьера 22 декабря 1943, 29 представлений)⁷. Информацию об этом спектакле, являющемся единственной постановкой на Бродвее драматургии Афиногенова, можно встретить в отечественном театроведении не раз⁸, – но, к сожалению, только на уровне упоминания. Американская наука о театре и вовсе молчит на этот счет. Дочь драматурга А. А. Афиногенова, известный переводчик со скандинавских языков, не располагает никаким материалом об этом спектакле: «Насчет бродвейской постановки, – я впервые услышала о ней из вашей статьи»⁹, – написала она автору этих строк. Материала для анализа спектакля крайне мало, что усложняет его исследование. Представленная статья – это

«Машенька» vs. «Профессор»: судьба единственной пьесы А. Н. Афиногенова на Бродвее

первая в отечественном и зарубежном театроведении попытка изучения постановки пьесы Афиногенова в коммерческом театре США.

Действие «Машеньки» происходит в конце 1930-х гг. К однокомнату 70-летнему академику Окаемову неожиданно приезжает 15-летняя внучка Машенька, которую он не любит. Постепенно отношения между дедом и внучкой налаживаются. Неожиданно через полтора года приезжает мать Маши, – она хочет вернуть дочь. Маша остается с дедом и убеждает его не отпускать и ее мать. Семья вновь воссоединяется.

Показательно, что на Бродвее постановка пьесы советского драматурга, убитого осколком вражеской авиабомбы, была посвящена памяти другой жертвы Второй мировой войны – молодому, но успевшему прославиться американскому театральному режиссеру Лему Уорду (Lem Ward)¹⁰, погибшему 24 ноября 1942 г. на Восточном фронте. В афиногеновской пьесе война постоянно врывается в пока еще мирную московскую жизнь. Так, отголоски битвы за Британию звучат в устах профессора Окаемова: «Не то поразительно, что я изучаю пергаменты, а то, что мы можем позволить себе изучать пергаменты, когда кругом война... Я вчера письмо получил от лондонского коллеги. (*Берет, читает.*) „Дир френд. Дорогой друг. Ничем не могу быть вам полезен. Моя коллекция древних рукописей свалена в ящики. Нам теперь не до древностей...“ Вот-с»¹¹. Война же стала одной из основных причин появления пьесы Афиногенова на Бродвее. И хотя к моменту показа «Машеньки» в США (рубеж 1943–1944 гг.) перелом во Второй мировой войне уже произошел и состоялась Тегеранская конференция «большой тройки» – Сталина, Рузельта и Черчилля, – американские граждане продолжали терять своих соотечественников на полях сражений.

Для постановки пьесы Афиногенова на Бродвее специально была сделана адаптация¹², которая изначально называлась «Новый горизонт» (*New Horizon*). Репетиции начались 22 ноября 1943 г.¹³, а уже через месяц состоялась бродвейская премьера. В рекламной кампании особый акцент ставился на участии в спектакле пятерых детей в возрасте от 12 до 16 лет¹⁴. В самом деле, здесь всех школьников (включая и Машеньку) играли подростки соответствующего возраста: Леля Спирина (Пегги Аллардайс / Peggy Allardice), Сеня (Майкл Дрейфус / Michael Dreyfuss), Галя Чикова (Анна Мария Маколи / Anna Maria Macauley) и Витя Туманский (Питер Фернандес / Peter Fernandez).

Постановка была осуществлена малоопытным режиссером Сэнфордом Майнером¹⁵, чье профессиональное и личностное формирова-

ние проходило в театре «Групп» под значительным влиянием русской театральной педагогики (наследия К. С. Станиславского, Е. Б. Вахтангова и В. Э. Мейерхольда). Спектакль «Профессор, послушайте!» стал лишь третьей режиссерской работой Майнерса на Бродвее.

В своем дневнике Афиногенов называет «Машеньку» «пьесой о старице и его внучке»¹⁶. Эта тихая лирическая комедия полемизировала со сложившимся каноном социалистических ценностей молодого государства, отрекшегося от традиционных («старорежимных», а по сути – христианских) норм человеческих отношений. «Четыре основных возраста (детство, отрочество, зрелость, старость) традиционно составляют антропологическую разметку исторического времени»¹⁷, но в советской стране, порывавшей с прошлым, культивировался разрыв родственных связей. На «свалку истории» выбрасывались старики, на арену новой жизни пришли дети.

В афиногеновской «Машеньке», напротив, разные человеческие поколения – старость (профессор и его домработница), зрелость (мать Маши и три знакомых профессора) и отрочество (сама Маша и ее четыре одноклассника) – гармонично уживаются друг с другом. Два главных героя пьесы – 14-летняя ученица Маша, приехавшая в столицу из Сибири, и ее дедушка, профессор Василий Иванович Окаемов – успешно разрешают болезненную проблему взаимоотношений стариков и детей. Однако сценическая судьба пьесы лишена такой гармонии, когда на равных солирует и «племя молодое», и старшее поколение: на практике всегда получалась история либо про внучку, либо про дедушку. При этом надо отдать должное драматургическому мастерству Афиногенова: в самом материале уже заложена возможность разных акцентов при его постановке.

Хорошо известно, что пьеса сочинялась в процессе совместной работы драматурга с конкретным театром – Московским театром им. Моссовета, поставившим ее 4 марта 1941 г. Режиссер спектакля Ю. А. Завадский оставил воспоминания о сотрудничестве автора пьесы и творческого коллектива постановки: «Афиногенов <...> вносил поправки в свой текст, присутствуя на репетициях, <...> с учетом того, что мы называем актерской индивидуальностью»¹⁸. «Машенька» стала «триумфом Театра им. Моссовета»¹⁹, где в заглавной роли блистала прима театра, легендарная советская актриса Вера Петровна Марецкая. Московская постановка была историей именно про Машеньку, «веселую, упряменькую, наделенную живым чувством юмора»²⁰. 37-летней актрисе удалось в роли юной советской пионерки раскрыть «

тончайшим мастерством <...> натуру, полную душевной чистоты и волевой силы»²¹.

На Бродвее же роль Машеньки досталась юной дебютантке – 16-летней Сюзен Робинсон (Susan Robinson). Сохранившиеся фотографии американской постановки свидетельствуют, что для точной передачи жизни советской России Машенька-Робинсон носила типичную, «не американскую», прическу – две косички с пробором по центру головы. В исполнении неопытной актрисы афиногеновская героиня была «милой»²² и только, а в творческой биографии Робинсон – первой и последней работой на Бродвее. И, конечно же, эта роль не стала для нее таким же триумфальным сценическим достижением, каким она явилась для В. П. Марецкой.

Нью-йоркский спектакль получился не про Машеньку, а про ее дедушку. Здесь роль профессора Василия Ивановича Окаемова играла театральная знаменитость – шестидесятилетний Дадли Диггз (Dudley Digges). Важно отметить, что этот актер был хорошо знаком с режиссером С. Майснером, что существенно облегчало работу над спектаклем, принимая во внимание постановочную практику Бродвея с ее обычным дефицитом репетиционного времени и отсутствием постоянной труппы. Майснер познакомился с Диггзом еще в середине 1920-х гг. в театре «Гилд». Современный театровед-американист справедливо замечает, что Диггз своими ролями и постановками во многом обеспечил признание театру «Гилд»²³. Роль профессора Окаемова стала одной из последних сценических работ в огромном послужном списке актера. Однако критики не очень-то высоко оценили Диггза-профессора, который, согласно их мнению, значительно проигрывал другим его сценическим образам старииков²⁴.

Наряду с Окаемовым «старую гвардию» в афиногеновской пьесе составляет его «пожилая, полноватая домашняя работница»²⁵ Мотя (или Матрена Семеновна) – олицетворение простоты, доброты и мудрости русского народа. На Бродвее эту возрастную роль (правда, под другим именем – Аня) играла опытная актриса Вирджиния Фармер²⁶, с которой режиссер Майснер также уже работал в «Груп». И хотя актриса была в два раза моложе своей героини, ей удалось справиться с ролью, – театральный обозреватель хвалил Фармер: «Она так подходит на роль старой домашней хозяйки»²⁷.

Уязвимым местом постановки все критики единодушно признали образы «картонных злодеев»²⁸ – доктора Павла Павловича Туманского и его хамоватого, испорченного сына Вити (в исполнении Александра Кларка / Alexander Clark и Питера Фернандеса соответственно).

Много вопросов вызывала также игра Виолы Фрейн (Viola Frayne) в роли матери Машеньки, Веры Михайловны, появляющейся в самом конце спектакля, чтобы забрать дочь. Главная претензия критики заключалась в чрезмерной мелодраматичности исполнения этого образа.

Очевидно, что американская постановка резче проявила слабые места драматургии: «слишком благополучный финал пьесы – примирение Окаемова с матерью Машеньки, и несколько утрированные образы врача Туманского и его сына Виктора»²⁹.

Расстановка актерских сил в бродвейском спектакле отразилась на изменении его названия: вместо истории взросления и формирования личности юной Машеньки в США на первый план вышел профессор.

Отсутствие достаточного режиссерского опыта у постановщика спектакля С. Майснера, неудачное исполнение отдельных «взрослых» героев и распределение на роли школьников юных непрофессиональных артистов (особенно на роль Машеньки), привели к тому, что постановка выдержала всего 29 представлений. И даже участие Д. Диггза, этого «любимого дедушки Бродвея»³⁰, как его окрестили театральные критики в 1940-е гг., не смогло обеспечить спектаклю успех.

Показательно, что американцев, уже знавших правду о сталинских репрессиях и убийствах, заинтересовала в творческом наследии Афиногенова именно камерная, семейная драма – лирическая и тихая «Машенька». В годы войны усталых тружеников и отдыхающих от боев солдат Бродвей старался развлекать и вселять им оптимизм. «Машенька» очень подходила для этих целей и легко укладывалась в бродвейский канон, т. е. мелодраму о семейных ценностях и победе добра над злом. А чтобы успех был уж наверняка, продюсеры делали ставку на «звезду» – Д. Диггза.

Американский критик замечал, что стоит посмотреть этот спектакль хотя бы для того, чтобы «увидеть, как ведут себя дома русские»³¹. Несмотря на то, что художественная попытка выразить на Бродвее жизнь людей из далекой страны-союзницы в борьбе с нацизмом оказалась неудачной, значение постановки пьесы Афиногенова как культурно-исторического события трудно переоценить. «Машенька» стала важным шагом в российско-американском культурном диалоге, а слова профессора Окаемова – завещанием народам двух стран и всего мира: «Вы услышите, как прозвучит на земле последний выстрел и люди забудут, что такое война. Вы будете жить в новом мире, без войн...»³².

Примечания

¹ Подробнее об этой постановке см.: Гудков М. М. Две пьесы К. Симонова на Бродвее // Вестн. СПбГУКИ. 2015. № 4 (25), дек. С. 130–139.

² Вишневская И. Л. Драматургия: от революции до «оттепели» // История русского драматического театра: от его истоков до конца ХХ в.: учебник. 2-е изд., испр. М.: РАТИ: ГИТИС, 2009. С. 604.

³ См.: Морозов М. Две культуры // Театр. 1947. № 11, нояб. С. 64.

⁴ История западноевропейского театра / под общ. ред. А. Г. Образцовой, Б. А. Смирнова. М.: Искусство, 1988. Т. 8: 1917–1945. С. 229.

⁵ Гудкова В. В. К творческим биографиям авторов: Афиногенов А. Н. // Забытые пьесы 1920–1930-х гг. М.: Новое лит. обозрение, 2014. С. 966.

⁶ См., например: Муромский В. П. Афиногенов А. Н. // Русская литература XX в.: прозаики, поэты, драматурги: биобибл. слов.: в 3 т. / под ред. Н. Н. Скатова. М.: Олм-Пресс: Инвест, 2005. Т. 1: А–Ж. С. 133.

⁷ См.: Listen, Professor // Internet Broadway Database. URL: <http://ibdb.com> (дата обращения: 06.02.2017).

⁸ Владимиров Р. Советский театр в оценке печати США и Англии // Театр. 1945. № 1, сент. С. 54–55; Морозов М. Две культуры // Там же. 1947. № 11, нояб. С. 64; История западноевропейского театра. Т. 8. С. 229; Хеллман Л. Война и литература: беседу вел кор. газ. // Лит. газ. 1944. 2 дек., № 5 (1108). С. 4.

⁹ Афиногенова А. А. Письмо М. М. Гудкову, 21 ноября 2016 г. Электрон. арх. авт. ст.

¹⁰ Digges play ends short run tonight: «Listen, Professor» to close after 21 performances // New York Times. 1944. 8 Jan. P. 10.

¹¹ Афиногенов А. А. Машенька: пьеса в 3 д., 7 сценах // Афиногенов А. Н. Избранное: в 2 т. М.: Искусство, 1977. Т. 1: Пьесы, статьи, выступления. С. 395.

¹² Автор адаптации – Пегги Филлипс (Peggy Phillips, 1916–2004), известный театральный публицист, драматург и писательница, а также пресс-атташе многих бродвейских постановок. Пьеса Афиногенова была первой ее сценической адаптацией.

¹³ Zolotow S. «New Horizon» role to Dudley Digges: veteran actor to take part of Grandfather in Peggy

Phillips' Russian play // New York Times. 1943. 13 Oct. P. 28.

¹⁴ Announcement // Ibid. 18 Mar. P. 24.

¹⁵ Санфорд Майснер (Sanford Meisner, 1905–1997) – американский актер, режиссер, один из ведущих театральных педагогов США XX в.: создатель собственной актерской техники, вошедшей в театральную педагогику под названием «техника Майснера». Среди его учеников – актеры Г. Пек, Р. Дюваль, Д. Каан, Д. Вудворд, П. Фалк, Д. Касаветис, режиссеры С. Поллак, С. Люмет, Д. Франкенхаймер, драматург Д. Мамет.

¹⁶ Цит. по: Комментарий // Афиногенов А. Н. Избранное: в 2 т. М.: Искусство, 1977. Т. 1: Пьесы, статьи, выступления. С. 552.

¹⁷ Гудкова В. В. Дети и старики: антропологическая разметка нового времени // Театр. 2006. № 4. С. 130.

¹⁸ Завадский Ю. А. Сотворчество драматурга и театра // Театр. 1949. № 7, июль. С. 41.

¹⁹ Комментарий. С. 552.

²⁰ Завадский Ю. А. Указ. соч. С. 41.

²¹ Бояджиев Г. Н. В. П. Марецкая: творческий путь актрисы. М.: Искусство, 1954. С. 131.

²² Cooke R. P. Russian conversation // Wall Street J. 1943. 24 Dec. P. 7.

²³ См.: Клейман Ю. А. Американская режиссура первой трети XX в. СПб.: СПбГАТИ, 2011. С. 77.

²⁴ Nichols L. The play in review: Dudley Digges, Broadway's favorite Grandfather, plays the role again in «Listen, Professor!» at the Forrest // New York Times. 1943. 23 Dec. P. 22.

²⁵ Афиногенов А. Н. Машенька. С. 379.

²⁶ Вирджиния Фармер (Virginia Farmer, 1899–1988) участвовала в театре «Групп». Уйдя со сцены на 10 лет, вернулась на Бродвей в спектакле «Профессор, послушайте!». Эта роль стала последней в театральной биографии актрисы, окончательно ушедшей сниматься в Голливуд.

²⁷ Cooke R. P. Op. cit. P. 7.

²⁸ См., например: Zolotow S. News of the stage: «Listen, Professor!» quits // New York Times. 1944. 17 Jan. P. 14.

²⁹ Альтман И. Л. Александр Афиногенов // Афиногенов А. Н. Пьесы. М.; Л.: Искусство, 1947. С. 25.

³⁰ Nichols L. Op. cit. P. 22.

³¹ Cooke R. P. Op. cit. P. 7.

³² Афиногенов А. Н. Машенька. С. 409.